

Л. Чарская

Грозная дружина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-22

Ч-22 **Чарская Л.А.**
Грозная дружина / Л. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2023. – 170 с.

ISBN 978-5-4241-1588-2

Эта приключенческая повесть увлекательно рассказывает о смелом походе казаков в XVI веке для завоевания далекой, неведомой Сибири. Смелый атаман Ермак, затеявший неслыханное, грандиозное дело, и его грозная дружина - это истинные богатыри. Их поход - подвиг почти сказочный, в духе древних русских богатырей.

Покорение Сибири горстью удалцов, воодушевленных идеей завоевать для русского народа огромный, богатый край и тем оставить по себе добрую память на века, - этот подвиг невольно трогает юную душу, будит добрые чувства и оставляет неизгладимое впечатление.

В основу повествования положена история смелого юноши, по воле судьбы попавшего в дружину Ермака.

ISBN 978-5-4241-1588-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023
© Л.А. Чарская, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Немного в истории примеров такого героизма, как смелый поход казаков в XVI в. для завоевания далекой, неведомой Сибири. Не много и героев столь своеобразных, безумно-отважных, как Ермак и его небольшая, но грозная дружина. Смелый орел-атаман, затеявший неслыханное, грандиозное военное дело, и его удальцы воины — это истинные богатыри. Чем-то стихийным веет от их могучих образов. Их поход — подвиг чисто сказочный, в духе древних русских былинных богатырей. Но он не выдуман, этот подвиг, не создан в красивой сказке или звучной песне. Тем выше, тем удивительнее он. Тем сильнее, тем значительнее его воспитывающее влияние на юные души. Эпизоды завоевания Сибири горстью удальцов, глубоко преданных своему делу, воодушевленных одной только идеей — завоевать для русского народа огромный, богатый Сибирский край и тем оставить по себе добрую память на века, — эти эпизоды невольно трогают душу, будят добрые чувства и оставляют неизгладимое впечатление.

Один из выдающихся наших педагогов и писателей говорит: «Если окружающая жизнь дает мало великих примеров героизма, пусть идет на подмогу литература, окрыляя юные души великими примерами прошлого или же героическими вымыслами, рожденными из души поэта!»

Цель настоящей повести — удовлетворить этому вполне справедливому педагогическому требованию. В ней перед читателем проходит вся грандиозная картина завоевания Сибири, с первого момента возникновения смелой затеи до последнего аккорда великого исторического события.

Придерживаясь строго проверенных исторических данных в отношении основного фона — завоевания Сибири, — автор оживляет этот исторический фон повествованием, в котором одинаково почетная роль выпадает и на долю русских победителей, и на долю побежденных, и отдает должную дань героизму как первых, так и последних.

В основу повествования положена история смелого юноши, случайно, по воле судьбы, попавшего в ряды разбойников-завоевателей и сумевшего личными своими качествами вызвать к себе любовь даже в черствых, загрубелых сердцах. Рядом же с этим благородным юношей перед читателем проходят типы героев и героинь — туземцев-дикарей, беззаветно преданных своей родине и готовых на всякую жертву ради сохранения свободы родного края.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

НЕОЖИДАННОЕ НАПАДЕНИЕ

— Са-а-рынь на-а-а ки-ич-ку-у-у!

— Са-а-рынь на-а-а ки-ич-ку-у-у! — зычно и протяжно повторило отклик отдаленным раскатом гулкое лесное эхо...

Лошади вздрогнули, рванули и неожиданно стали как вкопанные. Стала с ними и тяжелая, громоздкая дорожная каптана.¹ Из окна ее выглянуло старое морщинистое лицо, и взволнованный голос тревожно спросил, обращаясь к вознице:

— Слыхал, Егорушка, кричат будто?

— Слыхал, Игнатий Терентьич... И кто кричит смекаю. «Он» таперича на разные голоса аукаться станет, — отозвался с козел ражий парень в посконной сермяге.

— Лесной хозяин,² мыслишь? С нами крестная сила, не к ночи будь сказано, — и, торопливо осенив себя крестным знаменем, старик скрылся в каптане.

— Са-а-рынь на-а ки-ич-ку-у-у! — где-то близко, совсем близко, пронеслось по лесу.

Тихо ахнул Игнатий Терентьич.

Снова высунулось из окна каптаны встревоженное лицо.

— Егорушка, не «сам» это. По голосу слышать: человеческими голосами кричит-то, — дрогнув, пролепетали побелевшие от страха губы.

— «Он» — то по всякому кричать может: по-песьи и по-людски, — снова отозвался с козел возница, — а только и впрямь людские крики как будто, заключил он, насторожившись и чутко прислушавшись с минуту.

— Станишники никак?³ Господи, помилуй! — почти простонал старик.

— Станишники и то, слышь, расшкались.

— Ахти, беда! — зашептал упавшим голосом Терентьич. — Гони што есть духу коней, миляга! — обратился он к вознице. — Вызволяй из беды князеньку нашего! Не приведи Господи попасться в лапы живодерам! Хуже разбойников ночные тати.⁴ Ой, гони лошадок, Егорушка, спасай боярское дите...

Покойный князь батюшка увидает с того света твое усердие и его молитвами воздаст тебе сторицей Господь...

Гикнул, свистнул, молодецки гаркнул на коней возница, ударил хлесткой нагайкой по всей запряжке, и сытая, удалая четверка взялась с места на всем скаку, волоча за собою скрипучую, гроыхающую каптану.

Это был просторный возок, вышиною в человеческий рост, обитый сукнами и крытый коврами поверх перин и подушек, грудой наваленных на скамьях. В углах каптаны стояли лари со всякою дорожною снедью, бочонки с медом и енды с квасом, заготовленные на долгое время пути. Тут же были нагромождены укладистые сундуки со всевозможным богатством в виде мехов, штук сукна и парчи, боярских одежд, утвари и драгоценных камней, составляющих главное богатство именитых людей старого времени. Два тяжелых ларца с казною были упрятаны под пуховую перину под самый низ сиденья.

На перине, крытой кизыльбацким⁵ ковром, спал юноша, вернее мальчик лет четырнадцати на вид. Серебряный месяц, заглядывая в слюдовое оконце, освещал спящего. Тонкий и стройный, в дорожном терлике,⁶ расшитом по борту золотой тесьмой, охваченный чеканной опояской поперек стана, со спущенным с одного плеча опашнем,⁷ он был очень хорош собою.

Из-под сдвинувшейся на затылок во сне мурmolки⁸ с собольим, не глядя на летнюю пору, околom, выбивались светло-русые кудри мальчика, шелковистые и мягкие как лен. Над сомкнутыми веками горделиво изгибались темные брови. Высокий, умный лоб, тонкий нос с подвижными, как у горячего молодого конька, ноздрями и полные, смело очерченные, полуоткрытые в сонной грезе, румяные губы несказанно красили это юное, открытое, милое лицо.

Старик Терентьич осторожно склонился над спящим красавчиком-отроком и долго тревожно вглядывался в его сонные черты.

— Господь с тобою, соколик, спи с миром! Бог да молитвы дедушки-князя вызволят нас из бе...

Он не докончил своей фразы.

— Са-а-рынъ на-а-а ки-ич-ку-у-у! — новым зловещим раскатом пронеслось по лесу, замирая в чаще.

Помертвев от ужаса, Терентьич упал на колени посреди каптаны, беспорядочно шепча: «Господи, помилуй! Господи, не попусти!»

Спящий отрок проснулся и быстро вскочил со своего мягкого ложа.

— Чего ты, дядька? Аль попритчилось што? — прозвучал его звонкий, красиво вибрирующий голос, в то время как большие, ярко-синие глаза впились в старика.

Эти синие глаза так и горели, так и искрились смелой недетской удалью и молодым задором. Ни капли сна не оставалось в них.

— Князеньку, родимый, соколий мой! Неладное штой-то в лесу деется.

Никак станишники нас выглядели и ровно по зверю какому облаву ведут; слышь, свищут да гиканют окаянные, — потерявшись от смертельного ужаса ронял Игнат.

По лесу, действительно, носился зловещий посвист, точно ветер в метелицу гулял меж великанов деревьев в стустившихся сумерках июньской ночи.

Оживала с каждой минутой дремучая чаща. Тысячью голосов заговорила, загикала, засвистела, затопала сотнею молодецких ног. Громкие окрики разбудили сонную тишину позднего ночного часа. Трепет охватил старого Терентьича.

— Беда, соколик, беда, Алешенька! Куды я тебя схороню? Куды от лихого глаза укрою? Пропали мы, дитятко, как есть пропали! — лепетал несчастный старик.

Побледнел и юный князек. Дрогнуло сердце Алеши. Страх обуял детскую душу, но не надолго. В следующее же мгновение он был спокоен. Лишь темные брови строго нахмурились да синие глаза ярче блеснули в лунном сиянии.

— Сам говоришь, што Грозного царя не убоялся, — произнес твердым голосом мальчик, — а от ночных татей дрожишь. Кони сытые да ходкие у нас, авось не нагонят станишники.

— Не за себя боюсь, светик, — все так же растерянно лепетал дядька, беда тебе, коли нагонят, ведаешь сам...

— А нагонят — откупимся, — тряхнув кудрями, отвечал мальчик, — чай

немало казны в мошне припасено. А коли што — и ручницы⁹ возьмем, палить будем! — смело заключил красавчик-князек.

— Храни Господи!.. Ручницы! Ишь што выдумал! Да их-то, разбойников, с десяток али более соберется, а нас-то я да Егорка, да ты, молоденчик.

Нешто справиться с ими? Да и откупом немного возьмем — все едино обдерут до нитки. Единое спасение — коней гнать... Куды ни шло!

И снова высунулся в окно каптаны старик-дядька, снова перекинулся словом с возницей и, полуживой от страха и волнения, опустил на сиденье возка.

Лошади уже не бежали, а неслись молнией на всем скаку. Тяжелая каптана перепрыгивала с кочки на кочку, грозя ежеминутно грохнуть оземь и развалиться на сотню кусков. Месяц скрылся за тучу и внутри каптаны снова наступила ночь. В сгущенном мраке князек Алеша нащупал небольшой, как бы игрушечный чекан,¹⁰ заткнутый за пояс и сжал его дрогнувшей рукою.

«Буду защищать дядьку, — коли доведется настигнуть нас татям», вихрем пронеслось в мозгу смелого мальчика.

А чаща все стонала, и вопила, и гикала на разные голоса. Казалось, вся нечистая сила леса, с упырями, лесовиками и ведьмами во главе, слетелась сюда справлять свой полночный шабаш.

Вдруг, совсем близко, чуть не над самой каптаной, просвистел молодецкий посвист. Вслед за ним ясно и четко прогремело над головой путников:

— Сарынь на кичку!¹¹ И кони разом остановились, схваченные под уздцы десятком сильных, молодецких рук.

Глава 2

ПАГУБНЫЙ ВЫСТРЕЛ. — РАСПРАВА. — СТРАННЫЙ ОБМЕН

Десятка полтора дюжих молодцов, одетых в темные кафтаны и вооруженных бердышами,¹² кистенями¹³ и дрекольем, вмиг окружили каптану.

Вынырнувший снова из-за облака месяц осветил их сильные богатырские фигуры, полные бесшабашной удали и разгула лица, их мускулистые руки, сжимавшие оружие... Впереди был высокий плечистый парень, одетый богаче и наряднее остальных. На нем был алый кафтан, опоясанный дорогим поясом заморской чеканки, с заткнутыми за ним ножами и кистенем. Высокая шапка, с расшитым золотом околлом, и желтые, подбитые серебряными скобами, немецкой кожи, сапоги довершали наряд станичника, внешностью своею скорее похожего на знатного воина, нежели на вора и разбойника.

Его грозное лицо, казалось, не знало милосердия. Жестокою суровостью дышала каждая черта. Черные брови хмурились. Румяные уста под длинными холеными усами презрительно сжимались. Большой шрам, след вражьей сабли, шел от правой щеки к переносице, странно отмечая это, еще молодое, но уже немало видевшее на своем веку, лицо.

— Гей, ты, кто кроется там в бесовом логовище, вылезай, што ли! — крикнул он зычным голосом, в то время как трое из его ватаги ринулись к Егору, стащили его с козел и скрутили поясами по рукам и ногам.

Все это произошло так быстро, что несчастный возница не успел даже крикнуть или попытаться защитить себя.

Внутри же каптаны было по-прежнему тихо как в могиле. Гробовым молчанием отвечали на приказ станичника сидевшие в ней. Только старик Терентьич,

загородив своей плотной фигурой тонкую, статную фигурку юного князька, налаживал в темноте ручницу, наскоро схваченную из ближнего угла.

— Гей, кто там есть! Вылезай добром, не то худо будет! — снова прогремел своим громким голосом главный вожак шайки.

— Слышь, дядька, вылезать велит. Може и лучше так-то по-добру, по-здорову? — неверным голосом шепнул Алеша старику.

Он был очень бледен и взволнован. Пальцы, помимо воли, сжимали рукоятку детского чекана.

— Нишкни, детушка, нишкни! — замахал на него рукою Терентьич. — Може отомолчимся... А не то...

И верный дядька красноречиво потряс ручницей, готовясь дорого продать жизнь своего ненаглядного питомца.

В слюдовое оконце уже заглядывали бродяги.

Парень в алом кафтане первый ринулся вперед. Изо всей силы налег он на дверку и в один миг высадил ее своими могучими плечами.

— Вона где голубчики притаилися, старый ворон да молодой ястребенок!

Ну, не погневайтесь, чин-чином, вылезайте, бояре! — с каким-то злорадным смехом произнес он и осекся разом, так как Терентьич вскинул свой самопал и, не целясь, выпустил в богатыря-парня весь заряд из ручницы. Блеснул огонек, грянул выстрел. Молодец в алом кафтане громко ахнул и с яростным проклятием схватился за плечо. Алая струя крови брызнула из раны...

— Никита Евсеич ранен! Гляди, робята! Держи старого филина! Вяжи его дьявола, и пашенка его заодно с ним! — бешеными криками загремели окружавшие капитану разбойники.

В один миг был обезоружен старый Терентьич. Его выволокли из возка, с ругательствами и проклятиями перекрутили ему руки веревками и потащили в чашу.

Следом за ним ринулся Алеша.

— Куда, ястребенок? — схватил его за руку один из станичников.

— И меня, и меня берите! Я заодно с дядькой, с Терентьичем... Жили вместе и помирать нам стало вместях, — сверкая глазами, крикнул отважный мальчик.

— Ишь ты какой прыткий! Помереть завсегда успеешь, — усмехнулся кто-то из бродяг, — прежде дай с твоим батькой справиться. Как он в нашего есаула пальнул! По головке за то, само собой, не погладим.

— Гей, — тут же добавил тот же голос, обращаясь к прочим станичникам, — пообчистите капитану, робята. Небось, немало в ней всякого добра да казны боярской припасено.

Едва было отдано это приказание, как несколько ражих молодцов кинулись к капитану и с диким остервенением принялись хозяйничать в ней.

Между тем раненый начальник, во главе небольшой кучки разбойников, углубился в чашу. Следом за ним вели связанных Терентьича и Егора. Подле злосчастного дядьки шагал Алеша, не отводя от Игната встревоженных глаз.

Вскоре меж деревьев замелькали огни, зачернели новые силуэты людей... Их собралось около сотни на огромной лесной поляне, у нескольких разложенных тут и там костров.

В стороне от других, у большого костра, на огне которого варилось что-то в тагане, подвешенном с помощью трех копий, сидел смуглый юноша с открытым

веселым лицом, черными глазами и такими же кудрями, выбивавшимися из-под шапки.

На нем был такой же как и у раненого есаула наряд, только вместо всякого оружия, заткнутого у того за пояс, висела большая, тонкой работы, кривая турецкая сабля с осыпанной дорогами камнями рукояткой, так и бросавшаяся своим великолепием в глаза.

— Летали серые коршуны и выследили гнездо кукушки. С поживой тебя, есаул, — обнажая улыбкой белые зубы, произнес черноглазый, отодвигаясь от костра и уступая место раненому начальнику.

— Спасибо на такой поживе! Зацепил меня малость старикашка... Ну, да справлюсь по-свойски с обидчиком моим. Попомнит, небось, на том свету, каково из самопала палить в есаула, — зловеще сверкнув очами в сторону связанного Терентьича, проворчал тот.

— Давай его сюда, робя! Допрос ему чинить надо, — свирепо крикнул он тут же, обращаясь к приведшим пленника людям.

Сильным, грубым толчком выдвинули старика вперед.

— Ты — боярин? — резко спросил его есаул.

— В жизни им не бывал. Мы простые гости¹⁴ Московские, держали путь от престольного града домом обратно, — чуть внятно роняли дрожащие губы обезумевшего от ужаса Игната.

— А лари да укладки с добром это товары, што ли, скажешь?.. — криво усмехнулся есаул, невольно морщась от боли и зажимая рану у плеча.

— Товары и есть... Обменяли их на пермские гостинцы и везем домой...

Отпусти, милостивец, заставь Бога молить, — лепетал старик, падая на колени.

— То-то обменял! Что-то дюже много их накупил, старина! Ровно добро боярское... Ну, да ладно, поверим, коль не врешь. А парнишка этот — внучек твой, што ли? — также усмехаясь, продолжал свой допрос есаул.

— Внучек, со мной из Перми на Москву ездил, а сейчас вертает обратно, — словно обрадовавшись неожиданному исходу разговора подтвердил Терентьич.

— Красно придумал, старина, — неожиданно расхохотался есаул-разбойник, — да только внучек на тебя словно ни осанкой, ни обличьем не сходен. Да и по одеже разнится. Ишь, у него чекан-то, што у самого царевича, так камнями и играет. По всему видать боярское отродье! Да и ты ж, не во гневе буде сказано, старик, переодеванный, должно, боярин, из тех кровопивцев самых, што народ взятками да податями давят, да кровь христианскую сосут... Видать, што совесть у тебя нечиста, боярин, коли зачал палить ни за што, ни про што — здорово живешь. Гей, молодцы, вздернуть всех троих, и старичка речистого, и пашенка-внучка богоданного, да и возницу заодно! Все они переодеванные губители! Ишь, добра, народным потом добытого, прозапасли полну каптану, — присовокупил грозный есаул и махнул рукою.

С рыданьем и воплем повалился ему в ноги Терентьич.

— Батюшка, не губи! Милостивец, отпусти! Не за себя прошу. Паренька не казни, да Егорку. Ни в чем неповинны оба... Меня покарай, а их ослобони на волю, батюшка милостивец...

— То-то, милостивец!.. Запел соловьем... Душа в пятки... Вздернуть всех троих! — снова повысил свой и без того зычный голос начальник.

Три дюжих станичника кинулись к старцу, набросили ему на шею веревку и подтащили к толстостволой березе.

Не помня себя ринулся к дядьке Алеша, взмахнул игрушечным чеканом и дико вскрикнул:

— Не троньте дядьку, не то...

Но в тот же миг сильная рука обезоружила мальчика. Детский чекан очутился в руках одного из разбойников; другой крепко стиснул в своих мощных руках плечи Алеши.

Напрасно рвался мальчик к Терентьичу. Могучие пальцы станичника, словно клещами, впивались в его плечи. Он видел, как его дядьку подвели под огромный сук, как закинули на сук веревку и как медленно стало подниматься на ней грузное тело старика.

— Алешенька, светик, храни тебя Господь! — успел только произнести несчастный, и в последних конвульсиях дрогнуло мертвое тело Игната.

Дикий крик пронесся по поляне и как подкошенная былинка упал на траву сомлевший князек. Он не видел продолжения ужасной расправы, не видел, как рядом с мертвым дядькой повисло на суку и тело Егора. Не видел, как, обшарив каптану, станичники с богатой добычей присоединились к костру, как один из них, по приказу озверевшего от боли в плече есаула, подошел к нему, Алеше, и занес над его головой тяжелый бердыш.

— Стой! — крикнул внезапно черноглазый молодой разбойник. — Стой, Ермила!.. Ей, Никита Евсеич, отдай мне его, — обратился он к своему жестокому соседу, указывая глазами на обмершего Алешу.

— Што, сердцем стал больно жалостлив, Матюша? Ровно девка красная, засмеялся есаул. — По всякой падали кручиниться — кручины не хватит. Не показатки это... А еще подьесаулом назначен! Вот так подьесаул! Над всякой дохлятиной плачется, ровно баба слезливая.

— Нет! Не моги ты меня унижать, есаул, — вскакивая со своего места и вытягиваясь, как струна, во весь свой стройный рост, ответил черноглазый, — сам ведаешь, какая баба из меня вышла. Небось, николи не дрогнула рука Мещерякова... колол и рубил с плеча врагов народных. Неведома сердцу жалость была, а ныне она заговорила. И стыдного ничего тут нет... Обмер парнишка, а ты его мертвого прикончить велишь. Нешто ладно это? Нешто на то и поднялась вольница казацкая, штоб с ребятами малыми воевать?.. Ну, про старичишку, ляд с им, ничего не скажу. Он в тебя палил, за то и поплатился. Око за око, зуб за зуб... Возница тож волком смотрел. Но этот малец ни в чем неповинен. Вот што: видал мою саблю турецкую? Богатее и краше у самого атамана-батьки не сыщешь... Сам салтан, поди, не носил такой-то. Снял я ее у воеводы того, што изрубили мы летось с отрядом.

Возьми ее у меня и носи на здоровье, а мне мальчонку за то отдай.

И быстро отцепив драгоценную саблю от пояса передал ее есаулу.

Замолк черноглазый и ярким взором вонзился в товарища, а у того зрачки так и загорелись. Турецкая сабля невиданной красоты давно пленяла его. Недолго колебался Никита Пан, — как звали раненого главаря шайки, — и ответил:

— Бери парнишку, Матвей, твой он... А за саблю турецкую великое тебе, большое спасибо. Уж больно под душе она мне пришлась...

И чуть не впервые улыбнулись суровые глаза есаула, впиваясь восхищенным

взором в дорогой подарок.

Черноглазый Мещеряков даже вспыхнул от удовольствия, вскочил на ноги, отошел от костра и, быстро приблизившись к лежащему на траве Алеше, бережно поднял его, взвалил на плечи и понес бесчувственного в чащу леса.

Глава 3

ГРОЗНАЯ КАЗАЦКАЯ ВОЛЬНИЦА

Широко, вольно, плавно и красиво катит красавица Волга серебристую ленту своих тихо ропчущих вод. Зеленою осокой да пышными дремучими лесами поросла, убралась на диво красавица-река. Дробно рябит шалун-ветерок нескончаемую гладь ее хрустальных течений...

Крылатые белогрудые чайки носятся молнией над водяною гладью, то низко купая серые крылья в студеной волне, то вздымаясь высоко к небу, плавно реют в голубоватой дали и оглашают диким и резким криком сонную тишину прибрежных лесов.

Впрочем, не всегда мертвая тишина царствует над Волгой. Часто победным боевым кликом оглашается красавица-река... Зашуршит, зашепчет прибрежная осока. Дрогнут камыши, и целая флотилия остроносых стругов и ладей заскользит правильной шеренгой, клоня долу концами весел гибкие, покорные стебли тростника. Одна за другой скользят лодки... Гребцы, как на подбор, молодец к молодцу. Глаза ястреба, рука — долот булатный, сила у всех богатырская. Гребут дружно, песни поют, звонкие молодецкие песни, про славные набеги, про житейское бытие вольной вольницы, про самих себя.

Междоусобные войны древних князей, издевательства татар, придавивших Русь своим тяжелым игом, неправильные подати и налоги, заставляли страдать в нужде и насилиях жителей русских городов и деревень, а иной раз и дворовых холопов, притесняемых их господами боярами, бежать на окраину, в степь. Эти беглецы собирались в вольные бродячие дружины, ютились по берегам больших рек Волги и Дона и уходили далее в привольные, южные русские степи, на рубеж. Они-то и положили начало русскому казачеству. Само слово «казак» значит вольный человек. Эти вольные люди охотно принимали в свои дружины беглых преступников, татей и воров. Многие из казацких обществ селились по рубежу, образуя станицы, и несли службу государеву, отражая нападение ногайцев и татар, которыми кишели южные степи. Другие жили разбоем и грабежом по широкой Волге и синему Дону, да по Каме-реке. Эти последние никому не давали спуска. Грабили купцов с товарами, русских и чужеземных, плавающих на судах по широким рекам. Ни князья, ни бояре, ни даже послы иноземные не имели от них пощады. Стаей диких коршунов нападали они на корабли и караваны, грабили их, безжалостно убивали купцов и путешественников, а добычу волокли в свой казацкий «круг»¹⁵ и здесь главный атаман-батяка делил поровну всю награбленную добычу между своими удалыми дружинниками.

1564 год, ознаменовавшийся учреждением опричины царем Иоаном IV, увеличил такие вольные шайки до невероятных размеров.

Славный покоритель Казани и Астрахани, счастливый завоеватель Ливонских земель, грозный соперник короля польского Сигизмунда-Августа и шведского Густава-Вазы, — царь Иоан Васильевич, после смерти любимой жены своей, царицы Анастасии и сына-первенца Дмитрия,¹⁶ заподозрил в их смерти своих

давнишних врагов — бояр. Былая детская ненависть к своим бывшим воспитателям и притеснителям, управлявшим государством за его малолетством, вспыхнула теперь с новой силой в царе. Все припомнил боярам злопамятный Иоан: и как потакали его дурным наклонностям бояре, и как отдаляли ближних людей от него, и как всячески проявляли над ним свою тяжелую власть. А тут еще при жизни царицы и царевича довелось жестоко заболеть царю и те же бояре, не желая присягать его преемнику, малютке Дмитрию, задумали присягнуть князю Владимиру Андреевичу Старицкому, двоюродному брату царя. Все помнил Иоан, ничего не забыл. И теперь решил жестоко отомстить всем ненавистным ему боярам. Он начал с того, что отдалил от себя Адашева и священника Сильвестра, своих прежних любимцев, советами которых пользовался долгие годы. Кто-то из новых приближенных царя успел шепнуть убитому горем государю, что Сильвестр и Адашев отравили царицу Анастасию. Это и послужило началом кровавой драмы. Иоан назначил суд над своими недавними друзьями. По приговору этого суда Сильвестр был заточен в Соловецкую обитель, Адашева же бросили в тюрьму, где несчастный скоро покончил с собою. Между тем царь переехал из столицы в Александровскую слободу и занялся там устройством опричины, той удалой дружины телохранителей, которые готовы были в огонь и в воду за своего царя. С этими-то опричниками.¹⁷ На содержание опричников были отданы многие города, а в самой Москве даже некоторые улицы. Все остальное составляло земщину, порученную Государственной Думе с боярами Мстиславским и Бельским во главе, по большей части худородными дворянами и детьми служилых людей, во главе которых стоял сделавшийся главным и ближайшим советником царя Малюта Скуратов-Бельский, Иоан выводил крамолу из среды боярской. Достаточно было кому-либо из опричников оговорить боярина, будь это даже самый прославленный в боях воевода-герой, его ожидали лютые муки в застенке палача Малюты и неизбежная казнь. Кровь полилась рекою по Руси православной. Стон стоном повис над Московской землей.

Жадные и лютые, новые слуги государевы — опричники, желая поживиться за счет казны именитых людей, оговаривали то того, то другого из земских бояр перед Иоаном. И несчастного боярина, чаще всего неповинного, брали в застенок, пытали до смерти, иногда со всей семьей, а все его богатства, вотчины и имение отдавались клеветникам.

Лучшие имена именитых людей были вычеркнуты из списка живущих. Брат Алексея Адашева, Даниил, князь Дмитрий Овчина-Оболенский, прославленный воевода, князь Михаил Репнин, Курпины, Колычевы и другие, без числа и счета, погибали мученической смертью по приказу царя. Погиб Владимир, князь Старицкий с семьей, погиб и свергнутый митрополит Филипп за его «печалование» перед царем за осужденных. Многие бояре, князья и именитые люди, в ужасе перед лютыми муками на дыбе или под ножом палача, бежали за литовский рубеж и переходили на службу к польскому королю Сигизмунду.

Знаменитый князь Курбский, Черкасские, Вишневецкие нашли себе новое отечество в Польше. Их холопы бежали также, зная обычай царя губить не только самого оговоренного боярина с семьей, но и всю дворню боярскую, а нередко и целые деревни, принадлежащие обреченному на смерть. И холопы, и крестьяне бежали сотнями в привольные степи и на берега Волги и Дона, где «гуляли» вольные казацкие дружины, разбоями и набегами запечатлевавшие

каждый свой шаг.

Но больше всего здесь все же было недовольных правлением воевод да тяжелыми податями, гнетом давившими обедневший голодный русский народ.

Гуляли казаки по Волге и Дону, приводя в страх и ужас купцов и гостей иноземных да воевод-бояр... Бедных людей казаки не трогали. Бедный человек всегда мог найти пристанище среди грозных вольных дружин. Грабили и убивали тех, кто наживал тяжелую мошну обманым торгом, богатеев-купцов, своих и иноземных. Не раз схватывались также казаки с кочевыми племенами ногайских и крымских орд, уходя далеко в степи, всюду прославляя могучее удалое имя казацкой вольницы — Поволжской и Донской.

Много слышал Иоан жалоб на кровавые расправы вольных казаков. Грозный царь слал сильные отряды ловить разбойников, обещал богатые награды за головы их главных вождей, заочно приговаривал к плахе удалых атаманов. Но неуловимы были шайки вольных молодцов... Сама Волга-матушка да Дон широкий, казалось, покровительствовали им, пряча в прибрежной осоке их мелкие струги от царских судов, да дремучие леса укрывали смельчаков под раскидистыми ветвями деревьев в невылазной угрюмой чаще...

Глава 4

ОРЕЛ ПОВОЛЖЬЯ. — КОРШУНЫ И ВОРОНЫ. — ПОГОНЯ

*Что сверху-то было Волги-матушки,
Выплывала то легка лодочка,
Уж и всем-то лодка изукрашена,
Парусами она изувешена,
Ружьёцами изуставлена.
У ней нос, корма раззолочены.
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу стоит есаул с багром,
По краям лодки добры молодцы,
Среди лодки бел-тонкий шатер,
Во шатре лежит шелковый ковер,
Под ковром лежит золота казна,
На казне сидит красна девица;
Она плачет, как река льется,
В возрыданьи слово молвила:
«Не хорош то мне сон привиделся,
Уж как у меня, красной девицы,
Распаялся мой золотой перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплелась моя коса русая,
Выплеталась лента алая,
Лента алая ярославская.
Атаману быть расстреляну,
Есаулу быть повешену,
Добрым молодцам срубят головы,
А мне девушке во тюрьме сидеть»...*

Дивно и громко несется песнь по зеркальной глади могучей реки.